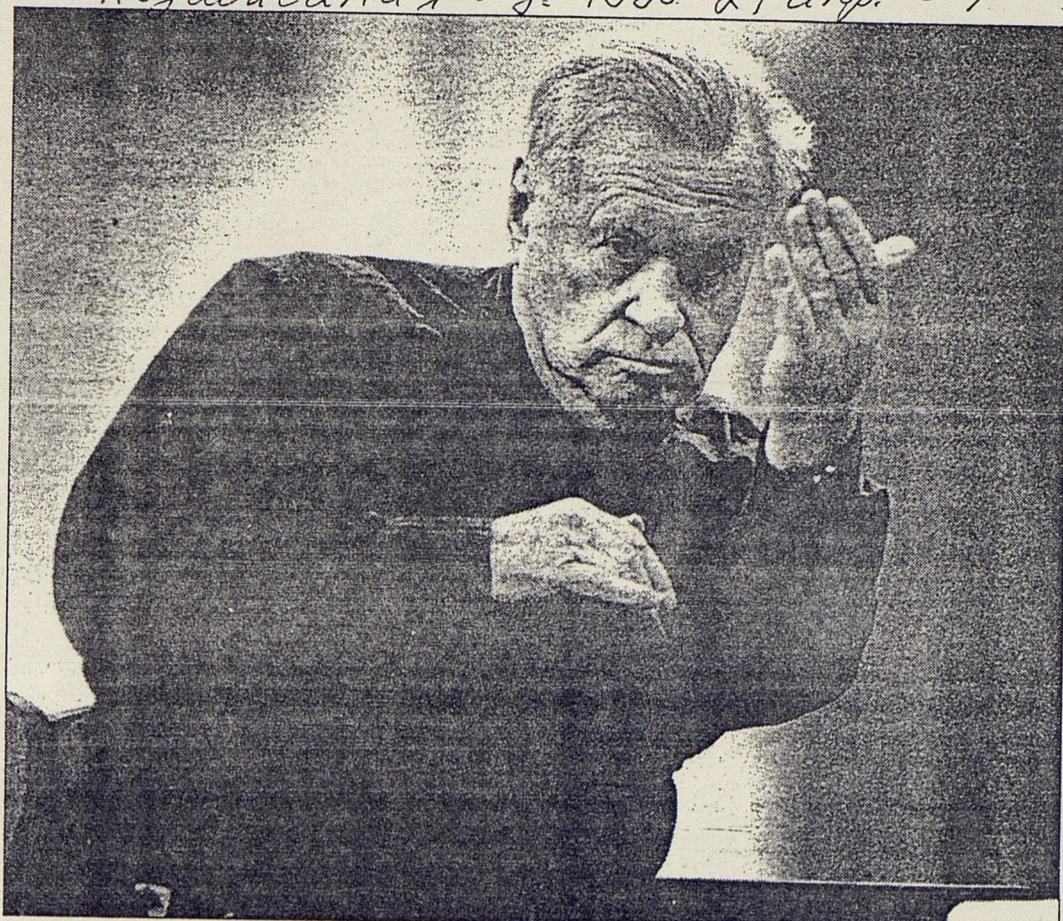

НЕИЗБЕЖЕН ЛИ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДЕФОЛТ?

Чтобы обеспечить конкурентоспособность российской оркестровой продукции, нужны чрезвычайные меры

Независимая Я 109-1999 27 апр. 99

Репетиция со своим оркестром в Большом зале консерватории. Евгений Светланов вряд ли догадывался о грядущем разладе. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Антон Правдин

ДО НЕДАВНЕГО времени в симфонической отрасли отечественного музыкального хозяйства существовала та же классическая ситуация, что и в аграрном секторе экономики: на фоне отстающих и обремененных жизнью «колхозов» выделялись несколько передовых единиц с «председателями-героями» и общим заведомо положительным балансом по всем текущим операциям. Флагманом считался Госоркестр — официально ГАСО СССР (ныне России), возглавляемый с 1965 года Евгением Светлановым. Одним из общепринятых правил игры «в симфоническую музыку» всегда было то, что дирижеры рассматривали вверенные им оркестры как тяжелое, но необходимое средство, с помощью которого делаются имя и карьера. В результате, когда сделано имя и завоеваны рубежи славы, выясняется, что ни один из «передовых» оркестров сам не в состоянии поддерживать этот статус. Кто и зачем будет заниматься его поддержанием — главный вопрос последних десяти лет, но обстоятельства до сих пор не дают на него ясного ответа.

В конце 1990 года была сделана единственная успешная попытка ввести «многоукладность» оркестровой экономики — появился первый в новейшей советской истории (и пока последний в российской) независимый коллектив под именем РНО и с пианистом Михаилом Плетневым во главе. Хотя традиционно считается, что дирижерская карьера лучше удается «струнникам», чем пианистам, пресса вскоре объявила Российский Национальный оркестр «мощной невосприимчивой единицей» концертной жизни, «первым оркестром из России, способным играть музыку разных стилей совершенно без акцента». Успех предприятия реально подкреплен еще и эксклюзивным контрактом с одной из акул мирового музыкального бизнеса — немецкой звукозаписывающей фирмой Deutsche Grammophon Gesellschaft. Шесть симфоний Чайковского уже вышли и удачно распроданы, их хвалили за чистоту и сдержанность истолкования заигранной музыки, другие дирижерские мизансцены Плетнева числом более десятка тоже принимаются в профессиональной среде с осторожной благожелательностью. И что же? В начале апреля 1999-го маэстро Плетнев через секретарей объявляет о своем уходе с капитанского мостика РНО и о передаче в начале будущего сезона всех полномочий Владимиру Спивакову. Спиваков, когда-то прославившийся как скрипач-виртуоз, можно сказать, первым привил к «дичку» отечественной филармонической жизни жесткие законы шоу-бизнеса. Это на его (вернее, возглавляемого Спиваковым камерного ансамбля «Виртуозы Москвы») выступления билеты стоили несравненно дороже, чем на иные консерваторские концерты, это на них стремились попасть те, кто никогда прежде среди зрителей БЗК не числился. Программа «Виртуозов Москвы», кажется, и составляется в расчете на таких неопитов. На их выступлениях артистизм дирижера-солиста и внешний блеск (сродни эстрадной легкости) всегда выступали на первый план. Сомнения художника, отрешенность мастера,

вечное ученичество Рихтера или Ойстраха — казалось, что Спиваков начисто лишен подобных комплексов.

Оба — и Плетнев, и Спиваков — воздерживаются от комментариев, ограничиваясь лишь подтверждением факта этой перестановки кадров на местном музыкальном Олимпе. Единственное официальное объяснение по поводу неожиданного случившегося перемени состоит в том, что знаменитая камерная команда «Виртуозов Москвы» последние 20 лет связанная с именем Спивакова, частично войдет в состав РНО на неких особых правах и тем как будто бы повысит уровень его струнного мастерства. Но это не все. Широкий резонанс в узких аппаратно-политических кругах имело недавнее выступление директора «Виртуозов» (а в недалеком прошлом — директора светлановского ГАСО) Георгия Агеева на недавней встрече мэра Москвы с творческой интеллигенцией — по поводу некоторых положений программы вновь создаваемого движения «Отечество». Стали поговаривать о завершающемся строительстве новой репетиционной базы Национального оркестра, о покровительстве и поддержке — то есть наиболее вероятной причиной ожидаемой смены курса и стиля скорее всего стала возникшая острая необходимость дать новый правильный ответ на классический вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» Поскольку Владимир Спиваков неоднократно и прежде такой ответ охотно давал — и именно в пользу Лужкова, — то возможно, что с выдвиганием Спивакова на первые дирижерские роли в Москве практически завершился строительство агитационного фундамента «Отечества» — с тем чтобы к осени злание уже высылось во всей предвыборной красе... Впрочем, вряд ли каждая партия захочет взять в союзники по оркестру — избиратель нынче не тот.

Оркестровый ландшафт нынешней Москвы чрезвычайно пестр, и даже искусственные наблюдатели с большим трудом могут просто уследить за динамикой появлений и исчезновений художественных единиц разного калибра. Выжить за счет одного лишь внутреннего оборота не способен ни один оркестр — пусть с самым блестящим репертуаром и послужным списком. А чтобы работать на экспорт, необходимо как минимум свободно конвертируемое имя главного дирижера, под чью ответственность оркестровый товар только и может производиться, упаковываться и рассылаться в виде гастрольных туров по приличным городам Европы (Японии, Северной Америки — кто куда дотянется) либо качественных записей для выпуска компакт-дисков. Флагмана отрасли — Госоркестр России — ни одна самая смелая импресарская контора Запада не решится пригласить без Евгения Светланова. Но решая, как лучше извлечь из этого имени прибыль, заказчик концерта постоянно перебирает в уме следующие варианты: «Светланов и лондонский оркестр Филармония», «Светланов и гаагские музыканты Резидентс-оркестра» (за которых маэстро тоже принял на себя ответственность в 1992 году — и его тамошний контракт действует до 2000 года), «Светланов и московский оркестр с его именем на афише» (меньше расходы на гонорар, но зато пропорционально возрастают дорожные расходы плюс больше хлопот и рисков) — в итоге выбор «в нашу пользу» делается редко. Либо не

делается вовсе. Что касается Российского национального оркестра, то ни одна его гастроль еще не состоялась без Михаила Плетнева — и убедить западных работодателей в том, что коллектив может сносно играть под любым другим управлением, будет весьма непросто.

Второе условие после наличия звучного имени на этикетке — и одновременно вторая проблема всей отрасли — это, как ни странно, занятость. Она важнее денег и даже опыта, поскольку только при условии работы с регулярной загрузкой и под регулярным «давлением» оркестр такого класса, как ГАСО и РНО, может поддерживать форму и без потерь добиваться когда-то достигнутых успехов. Тут надо пояснить, что для подготовленного и осведомленного западного уха многое из того, что в нашей оркестровой практике является вполне приемлемыми общими местами, звучит как несомненный брак. Профессионалы описывают ситуацию с «недостаточной загрузкой» светлановского Госоркестра примерно так. Музыканты приходят на репетиции и за мизерное вознаграждение (в месяц оно еле дотягивает до суточной оплаты одного дня на зарубежных гастрольях) выступают в концертах, которые не всегда характеризуют их как «лучший и талантливейший» коллектив страны. «Шеф» появляется примерно раз в полгода, терпеливо слушает, что ему играют и что ему говорят о положении и возможностях вверенного ему оркестра, обещает молиться за исправление бедственного положения — проводит один или два концерта — и улетает обратно. Так продолжается давно — поэтому ситуация полностью выслалась в рамки формулы «ГАСО под дистанционным управлением Евгения Светланова». Начиная с прошлого сезона маэстро отказался от абонементов, то есть решительно никаких обязательств по концертной работе в Москве он более на себя не берет. Запланирован лишь один его концерт 25 декабря 1999 года, а, как посчитали те же оркестранты, в одной только Гааге таких концертов за сезон он проводит не менее 27.

Апрельские небольшие внутри-оркестровые волнения в ГАСО завершились на редкость удачным концертом («Любовь и смерть»), мягкими упреками в адрес маэстро за длительные отлучки и избранием совета трудового коллектива с почти абсурдным лозунгом: «Вся власть совету». Но винить европейскую знаменитость в том, что личным приглашениям нет числа, а коллективные поступают крайне редко, бессмысленно. Лучше задаться другим вопросом: что должно случиться, чтобы отечественные оркестровые музыканты почувствовали себя ответственными за конечный результат собственной работы? Не от появления или отсутствия в России несравненно более интерпретатора русской классики будет зависеть в принципе исход дела: развивающаяся история с возможным переходом РНО на сторону движения «Отечество» дает один из вероятных сценариев, позволяющих хоть как-то сохранить культуру оркестрового музицирования в стране, где большинство культурных традиций находится в земле. Но даже в такой необычной ситуации желательно помнить, что поиск политической «крыши» и терпеливое выстаивание чистых унисонов в борьбе с банальной оркестровой фальшью — это два разных дела и успех первого без успеха во втором крайне сомнителен.